

самим удержаться на скользкой земле, ничего этого не видят и не говорят ничего. Другие, вздрагивая от холода и стуча зубами, фыркая и утирая носы мокрыми платками, проклиная попадающиеся по дороге препятствия, смотрят и комментируют.

— Это совсем, как фейерверк.

Словно для того, чтобы дополнить эту иллюзию злобещей феерической декорации, перед которой ползет и копошится в грязи наш отряд, вспыхивает красная звезда, за ней зеленая, затем медленно рассыпающийся снег красных искр.

В наших рядах люди не могут сдержать крика восхищения.

— Ой, красная!.. Ой, глядите! Зеленая!..

Это немцы сигнализируют, и наши также — наши требуют артиллерию.

Дорога круто идет в гору и заворачивает. Наконец окончательно рассвело. Все окружающее кажется грязным. Вокруг дороги, как бы покрытой слоем светло-серой краски с белыми пятнами, начинает просыпаться реальный мир. Мы оставляем позади себя разрушенный Сушэ, дома которого превратились в площадки, покрытые строительным материалом, и деревья, разбитые в щепы. Мы углубляемся в зияющую слева дыру. Это — отверстие, ведущее в соединительный ход.

На обведенной забором круглой площадке, как будто специально для этого отведенной, мы складываем принесенный материал и, потные, продрогшие, с мокрыми руками, исцарапанными и сводимыми судорогой, устраиваемся здесь, в ожидании.

Зарывшись в яму по подбородок, опираясь грудью о землю, непроницаемость которой служит нам защитой, мы следим за разворачивающейся перед нашими глазами ослепительной драмой. Бомбардировка усиливается. На гребне светящиеся столбы при бледном рассвете превратились в какие-то прозрачные парашюты или в бледных медуз¹ с огненной точкой внутри. Затем, по мере того как светлеет, они начинают казаться перистыми султанами из страусовых перьев

---

¹ М е д у з а — морское животное со студенистым телом в виде небольшого колокола или зонтика.

белого и серого цветов, вдруг рождающимися над туманным и мрачным гребнем высоты «119», в пяти или шести метрах впереди нас; затем медленно исчезают, словно два блейских стола, огненный и облачный, кружащиеся и грамящие вместе.

В этот момент мы видим на хребте холма группу людей, которая спешит зарыться в землю. Один за другим они исчезают в муравьиных норах, которыми усеяны склоны.

Теперь яснее можно различить форму долетающих снарядов; при каждом разрыве в воздухе образуются изжелта-белые хлопья, как бы подчеркнутые черным; приблизительно на высоте шестидесяти метров они раздваиваются, клубятся, и в их взрывах ухо улавливает, как пачками свистят пули, посылаемые этими желтыми хлопьями на землю.

Стреляют пачками, по шести в ряд. Это снаряды семидесять семь.

Между шрапнель семидесяти семи презирают; однако же это не помешало Блебуа быть убитым таким снарядом три дня тому назад. Вообще же они разрываются слишком высоко.

Барк объясняет нам это, хотя мы и сами все знаем.

— Ночной горшок — достаточная защита башки от этих свинцовых пилюль. Они ранят тебя в плечо или сваливают тебя на землю, но не убивают. Разумеется, все-таки надо остерегаться. Не вздумай задраить хобот в тот момент, как они разрываются, или высунуть руку, чтобы посмотреть, не идет ли дождь. Между тем наша семидесятипятимиллиметровка...

— У бошей есть не только семидесятисемимиллиметровки, — прерывает его Мениль Андрэ. — Есть разные... Взгляните-ка на эту штуку...

Слышен пронзительный свист, вибрирующий и скрипящий. И на склоне, где наши спрятаны в прикрытиях, накапливаются тучи различной формы. К колоссальным огненным и туманным перьям примешиваются стремные гроздья пара, хохолки, раскидывающие вокруг ровные нити; плюмажи дыма, с расширенными и спадающими книзу кольцами, совершенно белые или зеленовато-серые, цвета угля или меди, с золотистыми, либо с черными пятнами.

Два последних взрыва следовали почти непосредственно

Совсем не то, что двухсотдвадцатимиллиметровые, представляющие одну сплошную пасть, какое-то ведро из-под угля, которое выплевывает вверх свой снаряд. Эти очень трескучи, но в артиллерийских обозах производят впечатление безногих на повозочках.

Беседа не клеится. Кругом позевывают.

Величие и мощь этого артиллерийского урагана утомляют разум. Голоса также устают.

— Я еще никогда не видал такой бомбардировки! — кричит Барк.

— Это всегда так говорят, — замечает Парадиз.

— А все-таки, — орет Вольпат, — поговаривают, что надвигается атака... Повидимому, это начало чего-то...

— А! — просто восклицают другие.

Вольпат выражает намерение вздремнуть и устраивается на земле, упершись спиной в одну стевку, а подошвами — в другую.

Болтают о разном. Бикэ рассказывает историю о крысе, которую видел.

— Вот толстая была и здоровенная! Я снял свои ботинки, а она, бедная, изгрызла весь их верхний край, превратив его в кружево. Правда, я их недавно смазал.

Вольпат всрочается и говорит:

— Эй, болтуны, вы мне мешаете спать!

— Эй ты, старая швабра, неужто ты способен уснуть при подобном шуме? — говорит Мартро.

Вольпат отвечает на это громким храпом.

— Стройся! Марш!

* *
* *
* *

Мы меняем место. Куда нас ведут? Ничего не известно. Знаем только, что мы в резерве и что нас передвигают с места на место для подкрепления некоторых пунктов, или же чтобы стало просторнее в соединительных ходах, где урегулирование прохода войск, вызывающего затор, столь же сложно, как организация пропуска поездов на больших вокзалах. Нет возможности разобраться в смысле огромного маневра, в котором наш полк только маленькое колесико, и нет возможности предвидеть, что будет предпринято на

всем участке боя. Но затерянные в лабиринте котлованов, в которые мы несчетное число раз забаррикадуемся, разбитые, усталые от долгих скитаний, ослепленные от толкотни и шума, оравшие дымом, мы понимаем, что паша артиллерия ввязывается в серьезное дело и что близко наступление.

— Стой!

* * *

Усиленная пальба из ружей, как горохом, крест параллель окопа, в котором нас остановили в этот момент...

— Фриц старается... Он боится атаки... Вот сыплет!

И действительно, пули градом сыпались на нас, прорезали во всех направлениях воздух, царапали и скоблили всю равнину.

Я взглянул в одну из бойниц. Передо мною предстало мимолетное и страшное видение.

Впереди нас, не больше чем в десяти метрах, растянулась шеренга солдат, скошенных пулями, а горох продолжал посыпать их.

Пули, задевавшие землю и прорывавшие ровные борозды, поднимали маленькие облачка пыли, дырявили и уродовали прижавшие к земле тела, ломали члены, впивались в зеленые лица, вышибали глаза и непрерывными толчками как бы оживляли эти трупы.

Слышен был сухой треск, производимый заостренными кусками меди, с палата врезающимися в ткани и тело, — шум, напоминающий быстро летящий нож и хлопанье палки о платье. Над нами послышался резкий свист, сопровождаемый более низкими тонами рикошетов. И когда так дико несутся над тобой крики и звуки, то невольно опускаешь голову.

— Приказано очистить окопы! Марш! Живо!

* * *

Мы покидаем этот маленький участок поля битвы, где ружейная пальба без конца рванет и снова убивает трупы. Мы направляемся вправо и в тыл. Соединительный ход идет в гору. Наверху ущелья мы проходим мимо телефонного пункта и группы артиллерийских офицеров и солдат.

Здесь опять остановка. Толчемся на месте и слушаем,